

Жуть — не жуть, но раз возникнув в голове, эта догадка разрослась как сорняк. Луань Чэн поймал себя на мысли, что с момента знакомства с Гу Цинхуаем он стал каким-то дерганым. Но если его теория верна, значит ли это, что здесь, в школе Шэнъян, Гу Цинхуай может найти спасение?

Проблема была в том, что он учился в Шэнъяне уже больше года и никогда не слышал, чтобы здесь водились какие-то экзорцисты или мастера мистических искусств. А вот с ним самим в последнее время творилось черти что.

Вечером, после самоподготовки, Луань Чэн по привычке вернулся в общежитие вместе с Чжоу Пэном. Школа не заставляла всех жить в кампусе, но ради безопасности и экономии времени на учебу настоятельно рекомендовала это, особенно ученикам одиннадцатых и двенадцатых классов.

Луань Чэн и Чжоу Пэн жили в общежитии с самого начала. Комната была рассчитана на четверых. Кроме них двоих, здесь жил Хэ Ян — староста их класса (тот самый, что просвещал физика насчет термина «отстреляться»). Втроем они занимали комнату, и одна кровать оставалась пустой.

— Как думаешь, Гу Цинхуай подселит к нам? — спросил Чжоу Пэн, едва они переступили порог.

Ему казалось это логичным: во-первых, они с Луань Чэном теперь напарники, во-вторых, в комнате все из одной группы, да еще и староста под боком — идеальная компания для новичка.

— Вряд ли, — Луань Чэн вспомнил, что после уроков Гу Цинхуай даже не предложил пойти вместе. — К тому же, он ничего такого не упоминал.

В глубине души Луань Чэн истово молился, чтобы этого не случилось. Жить в одной комнате с Гу Цинхуаем? Да он же замертво падет от сердечного приступа, если проснется ночью и увидит мертвенно-бледного Бай Ю в его белом халате!

— А давай поспорим? — азартно предложил Чжоу Пэн. — Я ставлю на то, что он будет жить с нами. Ты — против. Проигравший неделю стирает носки победителю.

— Иди ты лесом! Твои носки такие вонючие, что в комнату даже комендант заходить боится, а ты еще предлагаешь их трогать, — проворчал Луань Чэн, переобуваясь в тапочки. — Кто первый в душ? Если никто не идет, я пошел.

— Чур, я первый! А то мои ароматы вас тут всех в обморок уложат, — хохотнул Чжоу Пэн и скрылся в ванной.

— Ну и характер, — Хэ Ян с улыбкой покачал головой. — Кстати, Луань Чэн, ты же домой ездил, что врач сказал?

Луань Чэн в последнее время выглядел неважно и перед отъездом обмолвился, что хочет проконсультироваться со специалистом.

— Да не ходил я к врачу, — признался Луань Чэн. — Думаю, ничего серьезного, просто давление из-за учебы. Немного отдохну, и всё придет в норму.

— Береги себя, учеба — это марафон, а не спринт, — Хэ Ян на секунду задумался. — Слушай, а

твой новый сосед, похоже, настоящий мозг. Знаешь, из какой он школы?

Для отличников вроде Хэ Яна «гении» всегда были объектом повышенного интереса.

— Говорит, из Первой городской.

Луань Чэн вспомнил, как Гу Цинхуай на уроках ничего не записывал, но щелкал любую задачу как орешек.

— Я-то думал, что у меня с математикой всё схвачено, но этот тип вообще мутант. Ему на решение задачи нужно меньше трех секунд. Буквально бросает взгляд и начинает писать. Псих какой-то.

— Кто псих? — высунулся из душа Чжоу Пэн.

— Ты! — в один голос рявкнули Луань Чэн и Хэ Ян.

Нужно было быть невероятно ленивым, чтобы умудриться носить нательную кофту на обе стороны! Большинство людей, если при раздевании одежда выворачивается наизнанку, перед стиркой возвращают ей нормальный вид. Но только не Чжоу Пэн. Как снял — так и постирал. Как постирал — так и высушил. Какая сторона оказалась сверху, ту и надел. Поэтому его футболки, кальсоны, а иногда даже носки и трусы частенько были надеты швами наружу, и даже заметив это, он никогда не переодевался.

Говорили, что его мать отправила его в общежитие именно для того, чтобы лень сына хоть как-то подлечилась дисциплиной. Хэ Ян и Луань Чэн могли только молча восхищаться этим масштабом пофигизма.

— Да я вам говорю, так даже удобнее! — вещал из-за двери Чжоу Пэн. — Слышали про бесшовное белье? Вот у меня — «крафтовое» бесшовное, все швы снаружи!

— Сгинь, — Луань Чэн затолкнул его обратно в душ и с грохотом закрыл дверь.

Запах носков, которые Чжоу Пэн только что снял, был выше их сил.

В ту ночь Луань Чэн мылся последним. После горячей воды тело расслабилось, и он рухнул в кровать. Обычно он засыпал, едва коснувшись подушки, но события дня были слишком дикими, чтобы мозг просто взял и отключился. Бумажные деньги, ритуальные слитки, окровавленный призрак на перекрестке... и Гу Цинхуай.

Без сомнения, это был самый странный человек в его жизни. Отличник, молчун, красавец, да еще и с персональным «эскортом» из духов. Луань Чэна не покидало предчувствие: с появлением такого соседа его жизнь круто изменится, причем в совершенно непредсказуемую сторону.

«Как будто деда в моих снах было мало... и этой золотой чаши», — подумал он, проваливаясь в сон. — «Надеюсь, хоть сегодня старик меня не побеспокоит...»

Однако он забыл, что его дед — и при жизни, и после смерти — больше всего на свете любил преподносить сюрпризы.

Луань Чэн помнил, что до переезда в многоэтажку они жили в частном доме с двором на

окраине города. Десять лет назад там почти не было машин, а дороги были сплошь пыльными. Тогда отец еще не начал свой бизнес, и жили они куда скромнее. Он и его брат Луань Чжэ целыми днями пропадали с дедушкой и бабушкой, пока родители вкалывали.

Во дворе рос виноград. Дед смастерил шпалеры, по которым лозы карабкались высоко вверх, образуя живую беседку. Дедушка обожал сидеть в тени этой беседки и играть на эрху, а они с братом усаживались рядом на маленькие табуреточки, слушали музыку и лопали виноград.

(Эрху: Традиционный китайский двухструнный смычковый инструмент. Его звук часто называют «душой Китая», он может звучать очень печально и пронзительно)

— Ну что, внучок, красиво деда играет? — улыбался старик.

— Красиво, дедуль! У тебя всё красиво получается, — Луань Чэн протянул деду свою маленькую белую миску с виноградом. — Деда, на, попробуй тоже.

— Хорошо, хороший мой внучек, — дед погладил его по голове и протянул руку за миской...

Рука была старой, морщинистой, но вполне обычной. Но стоило ему коснуться миски, как плоть на костях начала усыхать прямо на глазах, превращаясь в обтянутый кожей скелет.

Виноград в белой миске словно кто-то невидимый начал сжимать со страшной силой — ягоды лопались, превращаясь в густой сок ярко-алого цвета. Казалось, будто миска через виноград высасывает кровь из дедовской руки!

— Сяо Чэн, брось миску! Быстро! — внезапно закричал дед.

— Д-дедушка... я не могу! — Луань Чэн пытался разжать пальцы, но ладони словно приклеились к фарфору. На его глазах его собственные детские ручки начали стремительно сохнуть. Крови в миске становилось всё больше, она пенилась и переливалась через край!

— А-а-а! — Луань Чэн в ужасе подскочил на кровати. Холодный пот градом катился по лицу. В комнате было темно, шторы плотно закрывали лунный свет. Чжоу Пэн и Хэ Ян спали беспробудным сном. Сердце Луань Чэна колотилось как сумасшедшее.

Почему эти сны преследуют его? Что дед пытается сказать? И почему миска в руках деда казалась такой горячей, будто раскаленной? Она выпила кровь деда... и его кровь.

Луань Чэн лихорадочно ощупал свои руки. Слава богу, кожа была мягкой и теплой. Он попытался в деталях вспомнить ту миску, но образ ускользал. В памяти запечатлелся лишь белый фарфор и странный выступ на ободке. Больше ничего.

Ему хотелось включить свет и зарисовать увиденное, но он побоялся разбудить уставших соседей. Однако сон ушел окончательно. Стоило закрыть глаза, как он видел иссохшие руки и миску, полную густого «виноградного сока», похожего на кровь.

Луань Чэн пролежал, глядя в потолок, до самого рассвета. В школе Шэнъян свет выключали в одиннадцать вечера, а подъем трубили в шесть утра. Впервые за долгое время Луань Чэн встал раньше звонка. Он бесшумно оделся, умылся и вышел из общежития.

Двери открывались в пять — для отличников-выпускников, которые бежали в классы на самоподготовку. Луань Чэн пристроился за парой таких «зубрил», но на полпути замер. На стадионе он увидел две фигуры, двигавшиеся странно, не по-человечески, и одну фигуру,

идущую совершенно нормально.

Бай Ю и Мин Юэ были в тех же одеждах, что и вчера. Гу Цинхуай тоже не изменил стилю: белый верх, черный низ.

Луань Чэн простоял в нерешительности секунд тридцать, а потом медленно направился к ним. Вообще-то он до смерти боялся призраков, но когда те двое двенадцатиклассников скрылись из виду, стоять одному на пустом стадионе под свист ветра стало еще страшнее.

К тому же, со вчерашнего вечера он заметил пугающую вещь: он начал видеть и других «людей», которых здесь быть не должно. Благо, в школе их было немного — видимо, из-за сильной энергетики живых.

Бай Ю заметил приближающегося парня и расплылся в улыбке: — О-о, кто это у нас так рано встал, Сяо Луань Чэн?

Луань Чэн кивнул: — И вам доброе утро. Вы... — он перевел взгляд на Гу Цинхуая: — В каком общежитии живете? Раз пришел так рано, значит, наверняка живет в кампусе?

Гу Цинхуай протянул Луань Чэну толстый альбом, который до этого держал в руках:

— Не живу в общежитии.

Луань Чэн открыл его и так и замер — это был скетчбук, причем качеством куда выше того, что он одолжил Гу Цинхуая.

— Слишком вежливо с твоей стороны, — сказал Луань Чэн. — Тот, что я тебе дал, был уже изрисован.

Гу Цинхуай нахмурился: — В магазинах скетчбуки с рисунками не продают.

Бай Ю, стоявший рядом, бросил короткое: — Дебил.

Луань Чэн тут же гневно уставился на него.

Мин Юэ, почувствовав, что атмосфера накаляется, поспешил вмешаться: — Луань Чэн, ты каждое утро так рано встаешь?

— Да сто пудов нет! — влез Бай Ю. — Если бы он вставал так рано и при этом так паршиво учился, то небеса должны были бы его совсем не возлюбить, раз наградили мозгами тупее, чем у свиньи!

— Ты! Это ты тупее свиньи! — «Да у тебя все предки до третьего колена тупее свиней! Твою мать, Бай Ю, знал бы ты, как я хочу сейчас проткнуть тебя насквозь этим персиковым мечом!»

— Дебил! — Бай Ю закатил глаза.

— Да чтоб тебя, ты уймешься или нет?! — Каким бы трусом ни был Луань Чэн перед призраками, у него тоже был предел терпения! Тем более, он уже много-много дней нормально не спал, и ярость в нем сейчас закипала так, что готова была вырваться через макушку.

— И впрямь дурачок. Чего ты нам «выкаешь»? Не боишься, что люди примут тебя за психа, когда увидят, как ты с пустотой разговариваешь?

— Сам ты псих!

— Вот видишь, говорю же — дурак, а ты не веришь! — С этими словами Бай Ю внезапно изменился в лице. Его эффектная, хоть и бледная физиономия превратилась в голый череп, из которого вывалился длиннющий язык. А его изящные белые руки вытянулись, как когтистые лапы демона, и вцепились Луань Чэну прямо в горло! Луань Чэн от ужаса мертвой хваткой вцепился в руку Гу Цинхуая! Прижался к нему так, словно от этого зависела его жизнь!

Гу Цинхуай долго пытался высвободить руку, но безуспешно. Он со вздохом посмотрел на Луань Чэна: — Отпусти.

Луань Чэн весь затрясся: — О-о-он... он почему облик меняет?!

Гу Цинхуай вскинул бровь: — Я тоже умею. Хочешь посмотреть?

Луань Чэн в ступоре повернул голову к Гу Цинхуаю и увидел, как чистое и спокойное лицо соседа сменилось серо-стальной маской. Кожа стала безжизненной, как у трупа — будто живой красавец в одно мгновение превратился в зомби!

— А-а-а-у-у! — Луань Чэн взвыл и отпрыгнул на три метра!

Гу Цинхуай вернул себе прежний облик и невозмутимо стряхнул пылинку с плеча. Луань Чэн стоял, и сердце его бешено колотилось где-то в районе горла. Глядя на этого нового соседа, он чувствовал, что его мозг окончательно «поплыл».

В этот момент на стадионе внезапно зазвонил телефон. Гу Цинхуай глянул на экран и ответил: — Да? Старший брат.

На другом конце провода Гу Цинцзян усмехнулся: — Сяо Лю, прости, что так рано. Боялся, что на уроках тебе будет неудобно говорить, вот и набрал сейчас. Как обжился в новой школе? Как сосед по парте?

(Сяо Лю - ласковое обращение к младшему брату, означающее «маленький Шестой» (вероятно, Гу Цинхуай шестой ребенок в семье))

Гу Цинхуай покосился на своего «легендарного школьного хулигана», о котором наслушался по дороге со съемной квартиры, и слегка нахмурился: — Перепелка с ногами в метр двадцать. Пойдет.

(Перепелка: В китайском сленге так называют пугливых, робких людей, которые «втягивают голову в плечи», как напуганные птицы. Очень обидное прозвище для парня, который считается школьным задирой)

До Луань Чэна только через пару секунд дошло, что «перепелка» — это он.

От возмущения у него перехватило дыхание, а внутри всё взорвалось гневным монологом: «Твою мать, сам ты перепелка! Приперся в школу с двумя призраками! Псих несчастный!»